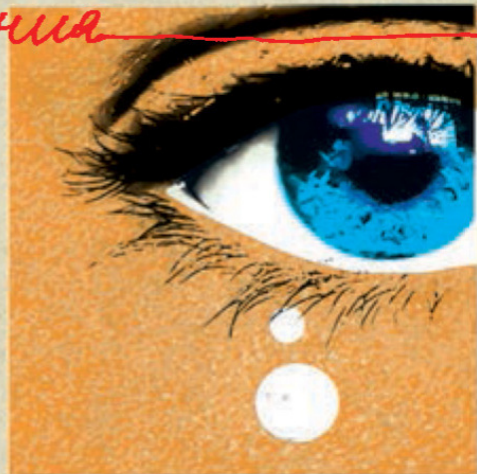

скандинавская мифия

Jonas Hassen Kemiri

Юнас Хассен Кемири

Всё, чего я не помню

Скандинавская линия «НордБук»

Юнас Хассен Кемири
Всё, чего я не помню

ИД «Городец»

2015

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Кемири Ю.

Всё, чего я не помню / Ю. Кемири — ИД «Городец»,
2015 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907358-69-0

Некий писатель пытается воссоздать последний день жизни Самуэля – молодого человека, внезапно погибшего (покончившего с собой?) в автокатастрофе. В рассказах друзей, любимой девушки, родственников и соседей вырисовываются разные грани его личности: любящий внук, бюрократ поневоле, преданный друг, нелепый позер, влюбленный, готовый на все ради своей девушки... Что же остается от всех наших мимолетных воспоминаний? И что скрывается за тем, чего мы не помним? Это роман о любви и дружбе, предательстве и насилии, горе от потери близкого человека и одиночестве, о быстротечности времени и свойствах нашей памяти. Юнас Хассен Кемири (р. 1978) – один из самых популярных писателей современной Швеции. Дебютный роман «На красном глазу» (2003) стал самым продаваемым романом в Швеции, в 2007 году был экранизирован. Роман «Всё, чего я не помню» (2015) удостоен самой престижной литературной награды Швеции – премии Августа Стриндберга, переведен на 25 языков. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-907358-69-0

© Кемири Ю., 2015
© ИД «Городец», 2015

Содержание

Часть 1	8
Дом	8
Пансионат	14
Переписка	19
Берлин	26
Часть 2	42
Гостиная	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юнас Хассен Кемири

Всё, чего я не помню

О-на-на, как меня зовут?

Рианна

Jonas Hassen Khemiri
ALLT JAG INTE MINNS

© Jonas Hassen Khemiri, 2015

© Ю. Григорьева, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке, 2021

* * *

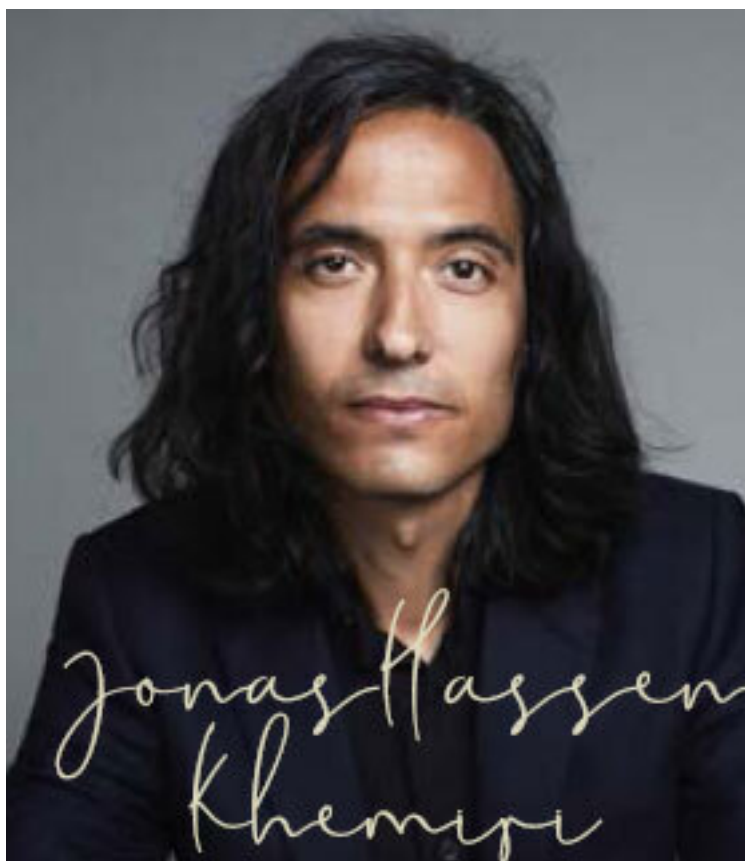

Фото: Pierre Björk

Юнас Хассен Кемири (р. 1978) – один из самых популярных писателей современной Швеции. Лауреат многочисленных литературных премий. Дебютный роман «На красном глазу» (2003) стал самым продаваемым романом в Швеции, в 2007 году был экранизирован. Первый шведский писатель, чья новелла была опубликована в американском журнале «Нью-Йоркер» (2017). Роман «Всё, чего я не помню» (2015) удостоен самой престижной литературной награды Швеции – премии Августа Стриндберга, переведен на 25 языков.

«Удивительная, сильная, заставляющая задуматься книга».
gazeta Berlingske (Дания)

«Великолепный роман, который вы просто обязаны прочитать».
газета VG, Verdens Gang (Норвегия)

«Вероятно, лучшее, что пока написал Кемири, роман оставляет неизгладимое впечатление».
газета Berlingske (Дания)

Часть 1

Утро

Дом

Сосед высовывает голову над живой изгородью и спрашивает, кто я и что тут делаю.

* * *

Проходите. Садитесь. Не волнуйтесь. Бояться нечего, обещаю. Стоит только нажать на тревожную кнопку, и они будут здесь через тридцать секунд.

* * *

Сосед извиняется и объясняет, что после всего произошедшего вполне естественно, что незнакомые люди вызывают подозрение.

* * *

У меня тоже было четкое представление о том, как тут все будет. Ну, знаешь, как показывают в кино. Толстые стальные решетки, вонючие сортиры в углу, двухъярусные кровати и душевые в пару, где нужно смотреть в оба и не ронять мыло. Я думал, что придется ходить с бритвенным лезвием во рту двадцать четыре на семь, всегда быть начеку. Но ты же сам видишь. Это больше похоже на хостел. Народ здесь душевный. Сортиры чистые. Есть даже мастерская, где можно строгать всякое из дерева. Мне повезло, что я попал сюда.

* * *

Сосед приглашает выпить кофе, мы вместе поднимаемся по дорожке к дому, он закрывает дверь в кабинет и включает кофеварку на кухне. «Какая трагедия, – говорит он и качает головой. – Чудовищная трагедия, все, что произошло».

* * *

Осталось два месяца и три дня. Но все путем. Я об этом почти не думаю. Мне здесь вполне нравится. Норм. Это большой срок. Но зато можно не думать о том, чем платить за квартиру. Что ты хочешь знать? Мне начать с того, как я познакомился с Самуэлем? Тебе длинную или короткую версию? Выбирай. У меня времени вагон.

* * *

Сосед достает маленькие белые чашки, выкладывает на блюдо печенье. «С кем еще вы говорили? – спрашивает он. – В нашем районе ходит столько слухов. Одни говорят, что Самуэль был в депрессии и долго это планировал. Другие – что это просто несчастный случай. Тре-

ты упрекают его девушку, как там ее? Лайда? Сайда? Точно, Лайде. Четвертые утверждают, что виноват друг Самуэля, тот здоровяк, что сидит в тюрьме, тот, который за деньги готов на все».

* * *

Впервые мы встретились в феврале две тысячи девятого. Я пошел на дело с Хамзой. Ему дали наводку, что одного чела можно найти на частной вечеринке в Лильехольмене¹. Мы туда поехали, позвонили в дверь, девушка, которая нам открыла, не успела захлопнуть дверь, потому что Хамза сунул ногу в щель и прогнал обычную телегу о том, что мы знаем кого-то, кто знает еще кого-то, и что мы здесь, чтобы отметить ее новоселье. В конце концов нас впустили в тепло.

* * *

Сосед наливает кофе в чашки, протягивает блюдо с печеньем и говорит, что не так уж хорошо знал Самуэля. А вот его бабушку я знал. Когда соседствуешь с кем-то больше двадцати лет, хорошо узнаешь друг друга, это неизбежно. Встречаясь на улице, мы всегда здоровались. Спрашивали, как дела, говорили о погоде. Однажды долго обсуждали преимущества и недостатки установки системы геотермального отопления. Хорошая женщина была. Честная и прямая, упрямая и волевая. Ужасно жаль, что все так закончилось.

* * *

Следом за Хамзой я вошел в шикарную квартиру. Мы двигались из одной комнаты в другую, кивали людям, которые, вместо того чтобы поздороваться, смотрели в пол. Я недоумевал, что мы здесь делаем, ведь эти люди совсем не похожи на тех, кто ведет дела с Хамзой. Парни в пиджаках, девушки в туфлях, холодильник с цифровым дисплеем и функцией приготовления льда. Я думал, все пройдет быстро, Хамза просто найдет нужного человека, сделает то, что нужно, а я буду стоять рядом, давая понять, что обсуждать тут нечего.

* * *

Сосед отпивает немного и запрокидывает голову, чтобы проглотить кофе. Когда я в последний раз видел Самуэля? Когда он приезжал забрать машину. Помню, словно это было вчера. Четверг, утро, ночью прошел дождь. Я сидел здесь, слушал радио и вдруг увидел, что кто-то крадется там, рядом с почтовыми ящиками. Я встал и подошел к окну, чтобы было лучше видно.

* * *

В гостиной играла музыка. Гости танцевали скованно, словно манекены. Улыбались как человечки из «Лего». Но среди них был Самуэль. И сначала мне показалось, что у него случился эпилептический припадок. Он будто вибрировал в такт негромкой музыке. Потом опустился на колени и подпрыгнул, так еще гитаристы делают. Потом начал трясти головой из

¹ Лильехольмен – район на западе Стокгольма. (Здесь и далее прим. перев.)

стороны в сторону, словно изображал колокол. До полуночи оставалось еще два часа, а Самуэль танцевал так, будто это была последняя слеш лучшая песня в мире.

* * *

Сосед встает и подходит к окну. Вот здесь я стоял. На этом самом месте. Было без двадцати девять. Смотрел туда, в сторону почтовых ящиков. В руке держал телефон. На случай, если это кто-то незнакомый, у меня имелся специальный номер, по которому я мог позвонить. Но вскоре я увидел, что это Самуэль. Он поднимался по пригорку с газетой и рекламными брошюрами в руке. В расстегнутом пальто, а под ним пиджак и рубашка. Он шел медленно, опустив голову.

* * *

Хамза двигался дальше. Я за ним. Мы нашли нужного человека, быстро поговорили, деньги перешли из рук в руки, все прошло быстро и гладко. Когда мы закончили, Хамза захотел утолить жажду. Мы пошли на кухню. Хамза налил два бокала себе и один мне. Осушил первый бокал и скорчил гримасу. Потом мы стояли молча. Никто с нами не заговаривал. Мы тоже помалкивали. Хозяйка квартиры иногда заглядывала на кухню, чтобы проверить, что мы ничего не сперли.

* * *

Сосед вытягивает скрюченный указательный палец. Видите вон ту березу? Там он остановился. Посмотрел на сгоревшие кроны деревьев и обгоревший дом. Помню, я подумал, что он выглядит бледнее обычного. Он поднял руку и слегка ударил себя по щеке – то ли разбудить себя хотел, то ли утешить.

* * *

Через несколько минут на кухню пришли Самуэль и девушка с пушком над губой. На футболке у Самуэля виднелись круги от пота, девушка была одета в какой-то красный плед без прорезей для рук. Она говорила о планах на вечер, о клубе в отеле «Рейсен», о том, что какой-то диджей сделал им вписку в «Грудан», а еще у какой-то Блудливой Карро дома вечеринка. Самуэль кивнул и наполнил бокал. Я подумал, что он тощий как скелет, мышц нет вообще. Хамза пошел отлить. Я остался. Хороший момент, чтобы что-то сказать. Сейчас можно было протянуть руку и представиться, как обычно делают на вечеринках. Как дела? – мог спросить я. Что тут происходит? Откуда вы знаете хозяйку квартиры? Что за диджей играет в «Рейсен»? Где живет Блудливая Карро? Но я промолчал. Просто стоял и думал, что надо что-то сказать. Ведь тогда для меня было не так привычно слышать собственный голос, как сейчас.

* * *

Сосед снова садится и наливает еще кофе. Потом прошло минут пятнадцать. Когда Самуэль вышел из дома, у него в руках был пакет, набитый так, что, казалось, ручки вот-вот порвутся. Он положил пакет на заднее сиденье машины и как раз собирался сесть за руль, когда заметил меня. Он поднял руку и помахал мне.

* * *

Подруга Самуэля вышла покурить. Самуэль открывал и закрывал кухонные ящики.

– Не знаешь, где тут ножи? – спросил он меня.

Я показал на набор ножей на подставке.

– Спасибо.

Самуэль взял с блюда арбуз, разрезал его пополам и спросил, хочу ли я кусочек. Я кивнул.

Потом он обошел кухню, раздавая куски арбуза всем, кто захочет.

– Унылая вечеринка, – сказал он, вернувшись.

Я кивнул.

– Вы потом пойдете еще куда-нибудь?

Я пожал плечами.

– Хочешь попробовать отличную тему? Вот, засунь сюда руку.

Самуэль протянул мне половину арбуза. Я задумался, в своем ли он уме.

– Давай, говорю же.

– Зачем? – спросил я.

– Ты запомнишь этот момент.

И, сам не зная зачем, я вытянул руку и засунул ее в арбуз.

– Как ощущения? Странно, да? Приятно? Теперь моя очередь.

Никаких особых ощущений не было. Что-то мокрое. И хрустящее. Я вытащил руку из арбуза, Самуэль засунул свою. Окружающие смотрели на нас так, словно мы нассали в мойку.

Но Самуэль только улыбнулся и спросил, не хотят ли они тоже попробовать.

– Вы будете об этом жалеть, – сказал он, когда они замотали головами.

* * *

Сосед вздыхает. Он стоял вон там. Рядом с бабушкиным «Опелем». Подняв руку в приветствии. И я чуть не помахал ему в ответ. Но потом увидел покрытый копотью сад, то, что осталось от бабушкиного чердака, черные пятна на крыше моего гаража. Вспомнил, чем все могло бы закончиться, если бы ветер дул в другом направлении. И отвел взгляд. Но это оказалось труднее, чем я думал. Мне даже пришлось сделать так, чтобы рука не замахала сама (прижимает левой рукой правую). Некоторые рефлексy сидят так глубоко, что их невозможно остановить. Ты так делал всю жизнь, это просто сидит у тебя внутри. Как и сексуальность.

* * *

Самуэль вытер руку и представился. Я не знал, как назваться, потому что, сопровождая Хамзу, я никогда не произносил свое настоящее имя. Однажды сказал, что меня зовут Эрьян. В другой раз представился Траволтой. Когда мы зарулили на частную вечеринку в Якобсберге² в поисках сестер-близняшек, которые взяли в долг денег, чтобы спасти свой салон красоты, я назвался Хулабандулой. Я мог сказать что угодно, ведь, когда выглядишь определенным образом, никому не хватит духу сказать, что твое имя на самом деле не твое. Но когда представился Самуэль, я ответил, назвав свое настоящее имя. И приготовился к встречным вопросам. «Что ты сказал? Вамдад? Ванбаб? Ван Дамм? А, Вандад. Откуда это имя? Что оно означает? Откуда родом твои родители? Они что, политические беженцы? А ты родился здесь? Ты настоящий

² Якобсберг – пригород к северо-западу от Стокгольма.

швед или только наполовину? Ты чувствуешь себя шведом? А насколько? Свинину ешь? А кстати, ты чувствуешь себя шведом? Вы можете вернуться домой? Ты там бывал? Каково это – вернуться домой? Может, ты чувствуешь себя иностранцем здесь и шведом там?» Когда народ замечал, что я не хочу говорить о своем происхождении, они пытались спрашивать про тренировки, нравятся ли мне протеиновые напитки или что я думаю о ММА³.

* * *

Сосед отодвигает чашку с кофе и откашливается. Теперь, спустя время, я думаю, что мог бы помахать ему. На что бы это повлияло? Возможно, ни на что. День Самуэля начался бы чуть более приятно. Он был бы в чуть лучшем настроении, когда выехал на улицу. Но я же не мог знать, что мы видимся в последний раз.

* * *

Но Самуэль оказался не из таких. Он не пытался обсуждать происхождение или тренировки. А сказал только:

– Вандад? Как шах, который воевал с Чингисханом? Мощно.

А потом десять минут вещал о монголах. Сказал, что полпроцента мужского населения Земли – потомки Чингисхана просто потому, что он осчастливил слеш изнасиловал кучу девушек. Сказал, что империя Чингисхана была самой большой в мировой истории и что монголы убили типа сорок миллионов человек. Рассказал, что монголы наказывали жадных деревенских старост, заливая только что расплавленное, раскаленное золото им в естественные отверстия, пока тело не поджаривалось, как во фритюре. Я не мог понять, почему этот дрищ говорит со мной о монголах, как и не понимал, зачем я это слушаю. Но было что-то в том, как мы разговаривали, что-то новое. Ни слова о том, где работаем, где живем или где учились. Мы говорили только об оружии монголов, их технике ведения боя, преданности, лошадях. Вернее так: в основном говорил Самуэль, а я слушал. Но когда хозяйка квартиры пришла на кухню и увидела, что мы ведем глубокую беседу, она как будто стала иначе на меня смотреть. И мне понравился ее взгляд.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил я и подумал, что, может, он учитель истории.

– А я и не знаю, – с улыбкой ответил Самуэль. – Скорее всего, это из какой-то компьютерной игры. У меня дико странная память. Некоторые факты просто застревают в голове.

– Хотя бóльшая часть просто исчезает, – добавила его подруга, одетая в красный плед, которая вернулась с балкона, окруженная облаком дыма.

* * *

Сосед стряхивает крошки с клеенки и говорит, что уж он-то совсем не такой, как некоторые в этом районе. У меня нет предрассудков по отношению к людям из других стран. Никогда не понимал, зачем разным культурам изолироваться друг от друга. Обожаю путешествовать. С тех пор, как я вышел на пенсию, зиму провожу за границей. Индийская кухня очень вкусная. Здесь в рыбном отделе в «Консуме» работает парень из Эритреи, он очень славный. Для меня не было проблемой то, что в дом бабушки Самуэля начали селиться новые люди. Мне было абсолютно все равно, что некоторые женщины носили хиджаб. Но вот что мне не нравилось:

³ ММА (от англ. Mixed martial arts) – смешанные боевые искусства.

они устраивали барбекю на террасе и выкидывали мусор в мой контейнер. Но это ведь не имеет отношения к их происхождению.

* * *

Когда вернулся Хамза, атмосфера на кухне изменилась. Теперь народ прижимал бокалы ближе к телу.

– Готов? – спросил я.

– Смотрел фильм «Все пидоры говорят “Нет”»? – спросил он.

– Почему пидоры говорят «Нет»? – поинтересовался Самуэль.

– Да это же гребаная поговорка, – ответил Хамза. – Книгу почитай, тогда не придется блистать незнанием элементарных вещей.

Мы с Хамзой ушли, я заметил, в каком он настроении, что-то в его движениях говорило о том, что вечер будет долгим. Я оказался прав, до конца вечера кое-что произошло, не могу точно сказать, что, но я подстраховал его, не предал, пообещал быть с ним до конца, и так и было, я поддерживал его, преданный, как монгол. Но по дороге домой пообещал себе сбавить обороты и поискать другой способ оплачивать квартиру.

* * *

Сосед жмет мне руку и желает удачи в попытках реконструировать последний день Самуэля. Единственное, что могу вам посоветовать, – будьте проще. Возьмите и расскажите, что случилось – без обиняков и не строя догадок. Я читал отрывки из других ваших книг, и мне показалось, что вы зачем-то все слишком усложняли.

Пансионат

Медсестра на первом этаже говорит, что не хочет, чтобы в книге значилось ее настоящее имя. Лучше назовите меня Микаэлой. Всегда хотела, чтобы меня так звали. У меня в детском саду была подружка по имени Микаэла, и я всегда ей завидовала, что она может произнести свое имя, и оно ни у кого не вызовет вопросов. Напишите, что я совсем не знала Самуэля. Видела его несколько раз на работе и всего-то открывала ему дверь, когда он навещал бабушку. Когда он был здесь в последний раз, я услышала стук в дверь, пронзительный звук, который резал слух, а когда вышла, там стоял Самуэль и стучал по стеклу ключом от машины. Раньше я давала ему код, а однажды даже рассказала о специальном правиле, которое использовала, чтобы его запомнить, но теперь он снова там стоял и стучал, а увидев меня, пристыженно улыбнулся. Он выглядел так, словно только что проснулся. В руках у него был набитый до отказа пакет, стекло около его рта запотело, и помню, я подумала, сколько же он там простоял, пытаюсь вспомнить код.

* * *

Ничего особенного. Честно. Будь это важно для нашей истории, я бы рассказал. Перебранка. Небольшие разборки. Хамза встретил парня, который был должен ему денег, и они не могли договориться о размере долга. Пришлось загнать его в сортир и напомнить сумму. Ничего серьезного, думаю, он даже заявление не подал. Просто обычный вечер, который закончился тем, что мы позвонили знакомому водиле такси и он быстро и без проблем довез нас домой без чека. Хамза посмеивался, сидя на заднем сиденье, он был доволен, отсчитал мою долю и, как обычно, сказал, что нам надо объединиться, начать свое дело, а не пахать на других. Но я подумал, что сыт этим по горло.

* * *

Микаэла улыбается, когда я спрашиваю о ее правиле. Ну, это звучит диковато, когда я о нем говорю, но ведь так эти правила и работают, чем страннее, тем лучше, а код в то время был четырнадцать семьдесят два, и мне всегда казалось, что эта работа похожа одновременно на начало мировой войны – четырнадцать – и захват заложников в олимпийской деревне – семьдесят два. Два раза я рассказывала об этом Самуэлю, потому что устала открывать ему дверь, а теперь все равно пришлось, я открыла, поздоровалась и спросила, не помнит ли он правило. – Какое правило? – удивился он.

И я подумала: ну, ладно, одно дело – не помнить код, другое – не помнить правило. Но даже не помнить, что слышал правило, – это уже из ряда вон. Наверное, я даже подумала: похоже, это у них семейное, увидимся здесь через несколько лет.

* * *

Позднее на той же неделе я связался с фирмой по грузоперевозкам. Я знал несколько человек, которые смогли быстро туда устроиться. Блумберг сидел в желтой спортивной кепке и наушниках, окруженный папками, и, когда я вошел и представился, он смерил меня взглядом от одного плеча до другого.

– Водительские права есть?

Я кивнул.

- Шведское гражданство?
Я кивнул.
– Когда сможешь начать?

* * *

Санитар на втором этаже охотно соглашается, чтобы в книге сохранилось его собственное имя. Меня зовут Гурпал, но все называют меня Гуппе. Фамилию тоже сказать? Напиши, что мне тридцать восемь, я не женат, люблю гулять, смотреть кино про космос и слушать Ар Келли, только кроме самых пошлых песен. Я работаю здесь два, почти три года, но это временно, вообще-то я музыкант, у меня дома небольшая студия, я сам все сделал, оборудовал кладовку и записываю там свои песни, это современный соул, но на шведском, много струнных и фоно, все это приправлено влияниями музыки бхангра, хип-хоп битами и мелодичными припевами. Один кореш описал это как быстрый трипхоп, пропущенный через джазовый соул-фильтр, городская поп-музыка, маринованная в классическом бибопе с вкраплениями джангла. Когда я рассказываю, звучит безумно, но я с удовольствием пришлю несколько треков, если захочешь послушать.

* * *

Прежде чем мы пойдем дальше, я хочу больше узнать о тебе. Как эта идея пришла тебе в голову? Почему ты хочешь рассказать именно о Самуэле? С кем еще ты говорил?

* * *

Гуппе говорит, что у него как раз заканчивалась смена, когда Самуэль вышел из лифта. Шел десятый час, но бабушка была на ногах с семи утра и спрашивала о нем каждые десять минут. Теперь же, когда он наконец приехал, она уснула.

– Как она? – спросил Самуэль, с трудом сдерживая зевоту.

– Кажется, сегодня хороший день. Ты тоже к нам переезжаешь?

Самуэль улыбнулся и посмотрел на пакет, набитый, как мешок с мусором.

– Не-а, просто привез ей кое-что из дома. Разные памятные вещи. Подумал, они могут пригодиться.

– Тебе или ей?

– И мне, и ей. Слышал вот это? Настоящая классика.

Самуэль достал из пакета компакт-диск. На обложке прозрачный игрушечный рояль, полный конфет.

– «Услада для ушей – 7»?

Самуэль кивнул.

– Это Ларс Роос⁴. Также известный шедеврами «Услада для ушей» с первой по шестую. Когда я был маленьким, бабушка постоянно его слушала.

Самуэль пошел к бабушке, она спала перед телевизором в комнате отдыха. На ней были белые туфли, тонкая бежевая куртка и юбка, не помню какого цвета. Рядом стоял чемодан. Я пытался объяснить, что он ей не нужен, она же только съездит в больницу и вернется. Но она не слушала, настаивала, что должна взять его с собой, и, если я чему-то и научился за время

⁴ Ларс Роос (р. 1945) – шведский пианист.

работы здесь, так это не пытаться убедить ее в чем-то, когда она уже приняла решение. Она часто повторяла: «Я не упрямая. Но я никогда не сдаюсь».

* * *

О'кей. Не горячись. Убери свое резюме. Мне наплевать, какое издательство тебя печатает. Насрать, что ты писал раньше. Просто интересно, что в твоей собственной истории делает тебя тем человеком, которому стоит все рассказать. Почему ты хочешь написать именно о Самуэле?

* * *

Гуппе говорит, что Самуэль несколько минут постоял, глядя на бабушку, а потом разбудил ее. Она храпела. Спала сидя, и рот у нее был открыт вот так (широко разевает рот, словно хочет, чтобы глотка загорела в свете люминесцентной лампы). Рядом стоял чемодан, и когда Самуэль его открыл, оттуда вывалились подсвечники, лопатка для торта и два пульта дистанционного управления. Самуэль погладил ее по щеке (два раза проводит рукой по собственной щеке, закрывает глаза), она вздрогнула и протерла глаза. Посмотрела на внука. На мгновение показалось, что она его не помнит. Потом улыбнулась и воскликнула (руками изображает крылья самолета):

– Ну наконец-то!

А потом:

– Вот это сюрприз!

Они пошли в ее комнату. А когда снова вышли, на Самуэле была потертая коричневая меховая шапка. В одной руке он держал чемодан и пакет, другой поддерживал бабушку.

– Ну, мы поехали! – прокричала она и помахала рукой. – Приятно было повидаться!

Она казалась счастливой, как никогда раньше (произносит с грустным видом).

* * *

О'кей. Понял. Мне очень жаль. Не знаю, что еще сказать.

* * *

Гуппе говорит, что стоило бабушке поселиться в пансионате, как она обвинила всех смуглых мужчин, которые там работали, в воровстве. Она была убеждена, что по ночам мы проникали в ее комнату и крали жемчужные ожерелья, и неважно, сколько раз ее дети и внуки говорили, что ожерелья хранятся в банковской ячейке. Я даже не знаю, были ли у нее вообще жемчужные ожерелья, но шкатулку с металлическими украшениями она прятала под кровать, а спустя два часа нажимала на тревожную кнопку и заявляла, что ее снова ограбили. Родственники извинялись, уверяли, что раньше она такой никогда не была, рассказывали истории о том, как она работала учительницей в бедном районе и основала в своем церковном приходе общество, которое собрало сотни тысяч крон на постройку школ в африканских странах. Она торговала на блошиных рынках и рвала простыни на тряпки, чтобы их можно было использовать как повязки в румынских больницах, а однажды, когда ее знакомый в детском доме в Латвии не смог найти шофера, чтобы перевезти автобус зимней одежды, она организовала все так, что это сделал ее старший сын, а она отправилась с ним, они вдвоем поехали в Латвию и привезли коробки с одеждой в детский дом. Через какое-то время стало даже странно слушать, как ее родственники перечисляют все это, я слушал одни и те же истории снова и снова от разных

членов семьи, как будто они хотели восполнить что-то, как будто не понимали, что мы профессионалы. Мы привыкшие. Существуют проверенные методы работы. В каждой комнате живут растерянные бабушки и дедушки, и когда они нажимают на тревожную кнопку и говорят, что в туалете прячется кто-то страшный, мы завешиваем тряпкой зеркало. Когда они говорят, что какой-то старик шпионит за ними в окно, мы задергиваем шторы. Дедушкам нельзя самостоятельно бриться, потому что есть риск, что они придут на завтрак без бровей. Флаконы с олазолем нельзя оставлять без присмотра, потому что тогда их выпивают. Бабушка Самуэля была совсем не так плоха. Напротив, она была из тех, чье настроение менялось чаще всего.

* * *

Когда это случилось? Вы были близки? С родственниками общаешься?

* * *

Гуппе рассказывает, что однажды, когда бабушка была в особенно плохом настроении, мама Самуэля попыталась оставить ему чаевые. Протянула сто крон и сказала, что ей стыдно за все те вещи, которые мне пришлось выслушать. Я посмотрел ей в глаза и доброжелательно, но решительно сказал:

– Уберите это.

Потому что можно стерпеть, когда тебя называют «каким-то арабом» или «башкой в тюрбане», в каком-то смысле это даже лучше, чем стоять там как идиот и получать подачку за хорошо выполненную работу. Когда я пришел домой и рассказал об этом жене, она обозвала меня бестолочью за то, что я не взял деньги. Тогда мы только что купили таунхаус, близнецам было полтора года, а все эти подгузники, соски и влажные салфетки стоят денег. Вечером я долго лежал без сна и думал, стоило ли взять ту сотню. Но и сегодня я поступил бы так же. Я сказал «жена»? В смысле, бывшая жена.

* * *

Понимаю. Просто интересно, зачем ты потратил столько времени. Почему не пришел раньше? Почему сначала поговорил с Лайде, Пантерой и одноклассниками Самуэля, а не со мной? Как можно было надеяться, что персонал дома престарелых, где жила бабушка Самуэля, поможет тебе понять, что произошло? Какое отношение к случившемуся имеет бабушкин сосед? Если я буду в этом участвовать, то всю дорогу, от начала до конца, потому что никто не знал Самуэля лучше меня.

* * *

Гуппе говорит, что приготовил утренний кофе и позвонил в колокольчик. Потом я посмотрел в окно и увидел, что Самуэль с бабушкой еще не уехали. Они шли к машине. Держась за его руку, она дохромала до места водителя, чтобы сесть за руль. Самуэль отвел ее к пассажирскому сиденью. Потом помог пристегнуться, закрыл дверь, убрал чемодан и пакет на заднее сиденье и выдохнул так, как и я, бывает, делаю. Будто собирался с силами перед следующим таймом. Я делал так же после долгого рабочего дня. А он всего лишь провел двадцать минут с собственной бабушкой. Затем снял меховую шапку, похлопал себя по щекам и сел за руль.

* * *

Кстати, кто из соседей это был? Дед из тридцать второго дома? Он каждую зиму ездит в Таиланд и трахает там шлюх. Точно тебе говорю. В том числе молодых шлюх, чуть ли не малолеток. Шлюх, которым платит, чтобы они говорили, что им двенадцать, только тогда его жалкий дряхлый член встает. Он проводит там каждую зиму, запирает дом и ставит таймеры на все лампочки, его нет два-три месяца, а потом он возвращается с новыми фотками шлюх, которых трахал, распечатывает их и вешает на доску в своем кабинете как открытки. Так и есть, мы в окно видели. Самуэль называл эту доску «Стеной позора». Подозреваю, что дед все и поджег. Он ненавидел всех, кто там жил. И, казалось, совсем не удивился, когда приехали пожарные.

* * *

Гуппе говорит, что машина тронулась и некоторое время двигалась туда-сюда, туда-сюда. И только попытки с пятой Самуэлю удалось выехать с парковочного места и свернуть в сторону моста. Потом двигатель набрал обороты, и автомобиль понесся вниз по холму. На слишком высокой скорости. Запомнил бы я это, если бы на следующий день не услышал, что произошло? Не знаю. Вряд ли. Тогда я видел его в последний раз (выглядит на удивление расстроенным, ведь они были едва знакомы). Если хочешь поговорить с бабушкой Самуэля, приходи, когда она выздоровеет. Но, к сожалению, не думаю, что она сможет чем-то помочь. Она все дальше уплывает в туман.

Переписка

В первом письме мама извиняется, что долго не отвечала. Взвесив все за и против, я наконец решила, что не готова вам помочь. Человек я не публичный. Не привыкла давать интервью. Никогда не любила, чтобы мои слова записывали, мне неловко, даже когда дочь достает мобильный телефон, чтобы снять меня с внуком. Поэтому надеюсь, вы с пониманием отнесетесь к нашему отказу. Я пишу «нашему», поскольку это решение касается не только меня, но и сестры Самуэля, с которой, насколько мне известно, вы связывались. Мы пытаемся жить дальше. Оставить случившееся в прошлом. Удачи с книгой. Прощайте.

* * *

В следующий раз я встретился с Самуэлем только через три месяца. Я перестал общаться с Хамзой. То есть не совсем перестал, но больше не ходил с ним на дело. Не отвечал на звонки. Придумывал отговорки. Вместо этого я заводил будильник и рано утром по рабочим дням ехал в контору, чтобы вместе с напарниками провести день, таская комоды, шкафы-кровати и диваны. Первым делом коробки, затем подпереть все это двуспальными кроватями и в конце цветочные горшки, ковры и завернутые в пледы телевизоры.

* * *

Во втором письме мама пишет, что ценит мое нежелание сдаваться. Упрямство – хорошее качество. Так говорили в моем детстве. Все, кроме моей мамы, которая упрямо утверждала, что нисколько не упряма. Тем не менее я настаиваю на своем нежелании давать интервью. Не принимайте это на свой счет. Я вовсе не «боюсь, что нахлынут воспоминания». Ваши писательские качества тоже ни при чем. Хотя ваше творчество очень далеко от той литературы, которая мне близка, это не влияет на мое желание (снова) отказаться. Совершенно не важно, что меня не будут снимать. Стоит только подумать о том, что запишут мой голос, как я начинаю запинаться. Всю жизнь я говорю более складно, когда никто не слушает. Или когда слушает тот, кто меня знает. Поэтому я отказываюсь. Опять. Если вы хотите проверить конкретные факты, их можно обсудить по электронной почте. Всех благ.

* * *

Все шло своим чередом. Я изменил образ жизни. Теперь он больше соответствовал новой зарплате. Вместо поездок в центр я нашел «Спайси Хауз». Вместо покупки новых шмоток обходился старыми. Однажды нас отправили в район Накка перевезти вещи из одного коттеджа в другой, а расстояние между ними всего-то метров пятьдесят.

– Почему переезжаете? – спросил Лусиано.

– Уж точно не из-за налогов, – ответил мужчина, подписавший договор на почасовую оплату, и улыбнулся, будто удачно пошутил.

Мы вывозили имущество после смерти жильца на острове Лилла Эссинген. Помогали парню, который развелся с женой, упаковать вещи и перевезти их в тесную однушку у метро Торильдсплан.

* * *

В третьем письме мама пишет, что решила ответить на мои вопросы по пунктам:

1. Двадцать шесть. Должно было исполниться двадцать семь.
2. Довольно часто. Раз или два в день. Чаше звонила я, а иногда он мне.
3. Нет, не сказала бы, что знала Вандада. Скорее знала, кто это. Несколько раз мы встречались. Было заметно, что ему в жизни нелегко пришлось.
4. Да, разумеется, были и другие друзья. Или скорее шапочные знакомые. У Самуэля редко бывало больше двух близких друзей одновременно. И это делало его уязвимым.

* * *

Одна бабка переезжала из дорогущего Эстермальма⁵ в район попроще, а жила она в огромной, как музей, квартире. Она была из тех клиентов, которые хотят все лишнее раз завернуть в еще одно одеяло и упаковочную пленку. Пыльные зеркала были антикварными, а к обшарпанному комоду следовало относиться как к золотому слитку. Сначала мы выполняли ее указания, но через какое-то время это стало невозможно, и нам пришлось ускориться, чтобы весь процесс не растянулся на неделю. Мы упаковывали все в коробки, пытались работать как можно быстрее, время-то тикало, и когда приехали на новый адрес, лифт, описанный в заказе как «большой», оказался максимум метр на метр, да еще и с раздвижной решеткой, так что туда не влезли ни серванты, ни кровать, ни старый диван с резными деревянными цветами на подлокотниках.

* * *

Мама продолжает:

5. Лайде – первая, кого Самуэль представил мне как свою девушку. Они были вместе около года. Бурные отношения. Они часто ругались. Лайде выискивала в Самуэле недостатки. Самуэлю казалось, что ему перекрывают кислород. Думаю, после расставания оба вздохнули с облегчением.

6. Нет, я бы не стала описывать его как «скрытного». У всех свои секреты. Никто ведь не делится всем со всеми, разве нет? Более подходящее слово, пожалуй, «любопытный». Восторженный. И, наверное, слегка неугомонный.

7. Да. Вне всяких сомнений. Кто-то говорил другое?

8. Нет, это началось еще в детстве. В семь лет, вернувшись с детского праздника, он искренне удивлялся, что не может вспомнить вкус мороженого, которое ел несколько часов назад. И тогда ценность съеденного была уже не так велика. Теперь, когда я это пишу, я понимаю, что Самуэль может показаться гораздо более серьезным и философски настроенным ребенком, чем был на самом деле. В тот момент я видела в этом манипуляцию, чтобы получить очередное мороженое.

9. Среди моих родственников нет. Меланхоликом был отец Самуэля. Но все же не стоит заходить так далеко и называть это «депрессией».

10. Самуэлю было девять, а Саре одиннадцать. Это был тяжелый развод, очень сильно травмировавший их отца. В течение нескольких лет он лишь изредка общался с детьми. А потом и вовсе перестал.

⁵ Эстермальм – дорогой и престижный район в центре Стокгольма.

11. Да. Я разговаривала с Самуэлем в последний день. Если хотите знать больше о том, что я помню, задавайте конкретные вопросы.

С наилучшими пожеланиями.

* * *

Время шло – три, четыре, пять, шесть часов. Мы старательно расставляли все по местам и в девять закончили. Под конец выгрузили торшеры, картинные рамы и маленькую коричневую табуретку из дерева. Я взял табуретку, поставил ее в прихожей и достал договор, где клиент должен был указать количество человек и отработанные часы. Бабка как раз собиралась подписать договор, когда ее взгляд упал на табуретку, и она издала такой звук, словно ей в живот всадили нож. Она приподняла табуретку, и тут я увидел, что на самом деле это детский стульчик для кормления, только уже без спинки. Марре побежал к фургону проверить, не осталась ли она там, но нашел только несколько досок, которые, возможно, и были спинкой, а бабка просто сидела и поглаживала стульчик, словно котенка. Богдан и Лусиано пытались сдерживать смех и делали мне знаки, означавшие, что бабка выжила из ума. Мне нужна была только ее подпись, в конце концов я ее получил, мы запрыгнули в фургон и поехали обратно в контору. Тем вечером я думал об этой бабуле, как она сидит в квартире совсем одна с табуреткой, которая еще недавно была стульчиком. Не знаю, почему я запомнил именно ее.

* * *

В четвертом письме мама пишет, что ее сбило с толку мое стремление понять произошедшее, изучив последний день Самуэля. Вы серьезно хотите знать, что конкретно мы говорили друг другу? Ладно, вот таким я помню наш первый разговор. Я позвонила ему на мобильный, Самуэль ответил, была четверть одиннадцатого, они ехали в больницу.

– Как дела? – спросила я.

– Нормально.

– Ты ее забрал?

– М-м-м.

– А сейчас вы где?

– Почти приехали.

– И все в порядке?

– М-м-м.

– Она спит?

– Нет, сидит здесь.

Он отвечал нетерпеливо, словно я спросила, почистил ли он утром зубы. На заднем фоне слышалась фортепианная музыка, я ее узнала, но не могла вспомнить название.

– Как она себя чувствует?

– Нормально.

– А ты?

– Норма-а-а-а-ально.

Это он сказал очень раздраженно, как будто я растянула разговор на несколько часов.

– Ладно, до связи, – сказала я.

– Пока.

Вот и весь разговор. Все заняло, наверное, минуту. Максимум. После каждого односложного ответа он замолкал, как бы давая понять, что больше сказать нечего. Мы повесили трубки. Через пятнадцать минут я позвонила снова.

– Вы уже доехали?

- Ищем, где припарковаться.
- У тебя есть номер отделения или прислать тебе?
- Есть, спасибо.
- Вы заправились?
- Не было необходимости.
- Как она?
- Нормально.
- Нервничает?
- Пожалуй.

Несколько секунд мы молчали.

– Давай созвонимся попозже? – предложил Самуэль.

Наши разговоры были не длиннее этого. Я попросила его перезвонить после посещения врача, и мы попрощались. Тогда я слышала его голос в последний раз.

С уважением.

* * *

Однажды во вторник мы работали в университете и загружали в фургон коробки с книгами, бесплатные конфеты, проекторы и огромный желтый диван из пластика. После какого-то мероприятия. Клиент сказал, что это ненадолго и мы управимся за пару часов, но была уже середина дня, а мы все еще не уехали. Светило солнце, студенты валялись на газонах, вдалеке я увидел идущую к метро худую фигуру с болтающимся на спине рюкзаком. Это был Самуэль. Уверен. У меня отличная память на лица.

* * *

В пятом письме мама сообщает, что не согласна с упрощенным описанием Самуэля. Он был гораздо больше, чем человек, который «тратится на впечатления, но забывает на еду». Чтобы по-настоящему узнать его, вы должны понять, каким чудесным ребенком он был, насколько одиноким чувствовал себя в подростковом возрасте, какие грандиозные планы по изменению мира он строил, когда начал изучать политологию. Вы должны осознать, как тяжело ему было после окончания университета одиннадцать месяцев сидеть без работы, чтобы потом оказаться в Миграционной службе. Как далеко это было от его мечты. Сколько вам нужно подробностей, чтобы понять его? Важно ли, что у него была любимая игрушечная ящерица по имени Мушимуши, которую мы потеряли в отпуске на Крите? Что в детстве он боялся звука сирен? Что начинал плакать, когда слышал грустную музыку, и говорил, что «внутри все болит»? Что до окончания начальной школы собирал пластмассовые фигурки PEZ? Что обожал школу в средних классах, но ненавидел в старших? Что после развода перестал называть отца папой и стал обращаться к нему по имени? Кто решает, что важно, а что уже лишнее? Я знаю одно: чем больше деталей о нем я рассказываю, тем больше, кажется, упускаю. И поэтому начинаю сомневаться во всем проекте.

Всего доброго.

* * *

Я спрыгнул с фургона и пошел поздороваться. Самуэль был в наушниках, больших таких, зеленых, поэтому он меня не услышал, и я похлопал его по плечу. Он вздрогнул, словно я хотел отпихнуть его с дороги. Затем улыбнулся и кивнул:

– Сорян, не слышал.

– Да ничего.

Несколько секунд мы стояли молча. Он смотрел на меня, наморщив лоб. Его мозг работал на пределе, пытаясь вспомнить.

– Ты приятель Феликса?

Я помотал головой.

– А, мы вместе играли в баскетбол? Или нет, стой, вы учились с Сарой в параллельных классах?

– Мы познакомились в Лильехольмене. На довольно тухлой вечеринке.

– Точно! У Тессан.

Самуэль кивнул, казалось, он и правда меня вспомнил. Я протянул правую руку.

– Вандад, – представился я.

– Самуэль.

– Как жизнь?

Я произнес это так, как репетировал дома перед зеркалом. Как слышал сотни раз на вечеринках, в кино, в автобусе, как говорят, случайно встречая старых школьных друзей. У меня так никогда не получалось.

– У меня все хорошо, – ответил Самуэль. – И одновременно не очень. Я только что выступал перед студентами, знаешь, как бывает, стоишь перед кучей народа, ты сам мог быть любым из них пару лет назад, и преподаватель хочет, чтобы ты рассказал о своей работе и использовании теоретических знаний на практике, ты так и делаешь, рассказываешь, как сидишь в офисе и что не зря выкинул четыре года жизни на никчемное образование, а потом тебе хлопают, преподаватель благодарит, ты уходишь оттуда и чувствуешь себя просто диким фейком. Вот примерно так дела. Сам как?

– Норм, – сказал я, кивнув.

Не то чтобы я точно знал, что он чувствует, но все равно понимал и его, и что он хочет сказать.

– Со мной было примерно то же самое на похоронах брата, – продолжил я. – Когда мама попросила произнести речь и сказать что-то хорошее.

Самуэль смотрел на меня. Я на него. Больше он ничего не спросил. А я не рассказал. Мы не знали друг друга. Но что-то произошло. Что-то возникло во время нашего разговора. Мы оба это почувствовали. Стало очевидно, что мы будем друзьями. На дорожке рядом с университетом мы обменялись телефонами и решили созвониться. Оба понимали: произошло нечто особенное.

* * *

В шестом письме мама пишет, что полностью признает право писателя на свободу творчества. Но все же есть разница между правдой и существенными преувеличениями. Мне бы и в голову не пришло названивать Самуэлю десять раз на дню. Я не страдаю «манией контроля». Кто вам это сказал? Пантера? И никакой «навязчивости» я за собой не замечала, особенно если сравнивать с моей собственной матерью. Но общаться с сыном мне нравилось. И нам нужно было обсудить практические вопросы после пожара. Но иногда мы не созванивались по два-три дня. Однажды несколько лет назад я сидела в кафе на крыше Стокгольмского культурного центра, с видом на небоскребы на площади Хётторгет, автомобильную развязку и толпы людей. Вдруг я увидела на улице бывшего мужа. Что странно, ведь после развода он уехал из Швеции и клялся, что никогда не вернется. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что это Самуэль. В детстве он был похож на меня, но с каждым годом все больше напоминал отца. Было что-то в его осанке. Одно плечо чуть ниже другого. Как они оба размахивали руками

во время ходьбы. Я взяла телефон и набрала его номер. Просто хотела поздороваться, ничего больше. Пошли гудки. Я увидела, как Самуэль остановился. Достал телефон. Посмотрел на экран. И снова убрал телефон в карман. В этом не было ничего странного. Может, ждал другого звонка. Или торопился. Вечером я снова ему позвонила, он ответил, мы поговорили как обычно. По-вашему, это совершенно будничное воспоминание стоит сохранить? Возможно, нет. Но это хотя бы правда. В отличие от тех слухов, в которые вы, видимо, верите.

Всего хорошего.

* * *

По дороге к фургону я думал о том, что знаю Хамзу двенадцать лет, а Нико четырнадцать. После похорон мы не говорили о случившемся. Они пытались несколько раз в самом начале, в основном Нико, но и Хамза тоже. Я все время отвечал так, что им не хотелось заводить этот разговор снова. С Самуэлем все было иначе. Не знаю почему.

Лусиано посмотрел вслед Самуэлю.

– Чё за пидор?

– Сам пидор, – отозвался я.

– Все вы пидоры, – сказал Богдан.

– Пидор тот, кто сейчас же не начнет работать и не сделает все, чтобы мы закончили до пяти, – сказал Марре. – Мне детей из сада забирать.

Богдан захлопнул багажник, Марре сел за руль. Мне достаточно было просто подойти к водительскому сиденью и посмотреть на Марре, чтобы он извинился, освободил место и сел с остальными. Он знал правила, и скоро мы уже выехали на шоссе, потом закинули товары на склад, а после вернулись в город, чтобы сдать инвентарь и пошутить с начальником о том, что это уж точно был наш последний рабочий день.

* * *

В седьмом и последнем письме мама пишет, что мое нытье ничего не изменит. Ни я, ни моя дочь не хотим с вами встречаться. Даже «за чашкой кофе». Больше всего мы хотим, чтобы вы прекратили это. Если вы все же настаиваете и хотите продолжать, важно, чтобы вы изменили все имена и подчеркнули, что я вовсе не «держалась в стороне» после пожара. Я не «затаила злобу» по отношению к Самуэлю или моей матери. Мы с братьями просто решили разделить сферы ответственности. Старший брат занимался практическими вопросами – общался с властями, страховыми компаниями, пожарными и полицией. Младший брат отвечал за то, чтобы маме было комфортно в пансионате, он рассказал персоналу о случившемся и пытался навещать маму как можно чаще, чтобы ей было спокойнее. По совету врачей мы не стали говорить ей о том, что произошло с домом. Нам сказали, ей лучше пребывать в уверенности, что с домом все в порядке и она сможет туда вернуться, если захочет. Я отвечала за мамины документы. Искала пропавшие чеки, договоры купли-продажи, чертежи и аккуратно раскладывала все по папкам. Все мои действия, как обычно, остались незамеченными. Так было всегда. Когда мама заболела, я потратила неделю на то, чтобы отменить ее подписки на газеты, оплатить счета и заполнить декларацию. В это же время младший брат заехал к ней и поменял лампочку в рождественской звезде. А затем повесил звезду на окно в столовой, и мама потом неделями говорила о ней.

– Она так замечательно смотрится в окне и светит так ярко, твой брат сказал, что может даже таймер к ней установить! Он у нас прямо электрик. Чудесно! Что бы я без него делала?

А я между тем занималась ее банковскими делами и не слышала в ответ ни слова благодарности. Видимо, это ничто в сравнении с тем, как братья однажды заехали за мамой в пан-

сионат и отвезли ее в МакАвто. Они пили банановый молочный коктейль! И ели яблочный пирог! Она рассказывала об этом так, словно ее любимые сыновья изобрели и молочный коктейль, и МакАвто, и дорогу, и небо, и воздух, окружавший их, пока они в машине уплетали обед. От дочерей просто ожидается выполнение некоторых обязанностей. И эти обязанности отнимали все больше времени. В конце я уже не успевала навещать ее так же часто, как братья, и была рада, когда Самуэль предложил взять выходной и отвезти ее в больницу. Я не чувствую своей вины. И ни о чем не жалею. Следить за исправностью машины – задача братьев. Они должны были сказать Самуэлю, что тормоза не в порядке, а колеса износились. Тогда бы все закончилось по-другому.

* * *

Я подождал несколько дней, прежде чем связаться с Самуэлем. Думал, спешить некуда. Знал, что он особенный, ведь он общался с незнакомцами так, словно думал, что они отличные люди, и слушал собеседника, будто ему действительно интересно, что тот скажет. И только спустя время до меня дошло: особенность Самуэля не в том, что он хороший или плохой слушатель, а в том, что он необычный слушатель. Он слушал, не слушая. Или не так. Он слушал, не желая вникать. Или слушал, и ему было наплевать. Важнее всего для него – чтобы никогда не наступала тишина, и я много раз что-то рассказывал ему, а спустя три недели он, казалось, уже ничего и не помнил. Другие бы, возможно, разозлились и сказали, что он недостаточно внимателен. Мне же его способ слушать казался идеальным. Можно было говорить что угодно: если получалось рассказать анекдот и он смеялся, достаточно было подождать полгода, а потом рассказать тот же анекдот снова, и он все равно смеялся, почти как в первый раз.

* * *

Мама заканчивает последнее письмо простым пожеланием: Заранее спасибо за то, что больше меня не беспокоите. (Ее имя.)

Берлин

Пантера ставит на стол турецкий суп из чечевицы, разогревает в микроволновке питу и говорит, что рада меня видеть. Хорошо долетел? Ты здесь надолго? Старые воспоминания уже накрыли? Без твоей музыки в подъезде стало удивительно тихо. Никогда бы не подумала, что буду скучать по Рианне на рипите (напевает вместе со мной «Как меня зовут»). Чем закончилась история с книгой? Ее ведь так и не издали? Наверное, тяжело потратить на что-то четыре года и так и не закончить? Здесь, в Берлине, все как всегда. В «Бергхайне» все так же работает татуированный охранник с пирсингом. Ничего лучше того маленького места рядом с зоопарком, где подают донер-кебаб, не появилось. Вечно недовольный транс из «Луции» тоже никуда не делся. В Нойкёльне открылись новые хипстерские места, полиция закрыла несколько сквотов в Пренцлауэр-Берге. А у тебя-то как дела? Худшее позади? Как прошли похороны?

* * *

Я предложил место, Самуэль сказал, что оно ему прекрасно подходит – всего несколько станций от съемной квартиры у метро Хурнстуль. По дороге в «Спайси Хауз» я вспоминал проведенные здесь вечера. Идеальное место. Никто не беспокоит. Не задает вопросов. Заходишь, делаешь заказ, потом на тебя никто не обращает внимания. Я все еще не знал, как зовут барменов. Открыв дверь, я прошел мимо алкашни у игровых автоматов, проигнорировал компанию байкеров в углу и сел на барный стул рядом с Самуэлем.

* * *

Пантера говорит, что это чувство ей знакомо. У меня в телефоне все еще есть номер Самуэля. Знаю, это стремно, но никак не могу заставить себя удалить его имя. Ведь тогда не останется никаких следов. Следующее имя в списке контактов просто поднимется на одну строчку. А сейчас я вижу его имя каждый раз, когда захожу в «Избранные» (скроллит на невидимом телефоне). И все еще ловлю себя на мысли, как жутко, что его больше нет. Ты знаешь, что он приезжал ко мне всего один-единственный раз? Вечно выдумывал причины, которые ему мешали. Сначала не было денег, потому что он втридорога платил за съемную квартиру, потом съехал с Вандадом, и все деньги уходили на то, чтобы вместе где-то развлекаться, а потом познакомился с Лайде, и приходилось много заниматься бабушкиным домом. Когда он наконец приехал, мне показалось, что Вандад чуть ли не заставил его свалить из Стокгольма. Понятия не имею, чего он боялся.

* * *

На мгновение мы задумались, как нам поприветствовать друг друга. Рукопожатием? Стукнуться кулаками? Я решил кивнуть, Самуэль ответил тем же, и я спросил:

- Что пьем?
- Я еще не заказывал.
- По пиву?
- С удовольствием.

Жестом я показал бармену два пива и как бы посыпал барную стойку, давая понять, чтобы принесли орешки. Мы начали с разговора о том, как дела (хорошо). Затем перешли к

планам на выходные. (Может, сходить куда-нибудь развлечься. Или остаться дома.) А потом Самуэль заговорил о рыбных паразитах.

– Прошу прощения? – произнес я.

– Рыбные паразиты. Существуют совершенно невероятные рыбные паразиты. Ты когда-нибудь слышал о, скажем, изоподах?

* * *

Пантера говорит, что, разумеется, помнит, как они познакомились. На баскетболе. Мы играли за один клуб, он во второй команде мальчиков, безнадежных лузеров, а я в команде девочек, которая дважды выиграла чемпионат Швеции и еще раз взяла серебро. Когда мы познакомились, то часто шутили, что мне надо сыграть с ними, чтобы они наконец выиграли хоть одну игру. Я в то время была похожа на мальчика, и никто бы, скорее всего, ничего не заметил, а мое настоящее имя может быть как мужским, так и женским. Но мне оно никогда не нравилось, поэтому товарищам по команде я говорила, что Пантерой меня называют в школе, а в школе – наоборот, что Пантерой меня зовут на баскетболе, и скоро так меня называли все, теперь даже сестра не вспоминает мое настоящее имя. Она тоже занималась баскетболом, и даже она играла лучше Самуэля, которого называли Чернохвостой чайкой, потому что он шаркался от мяча и был слишком тощим, чтобы бороться за подборы. Когда мы начали общаться за пределами тренировок, то ходили на Водный фестиваль⁶ или часами зависали в круглосуточном «Макдоналдсе» на улице Хамнгатан. И помню, я думала, что Самуэль не похож на других парней, потому что казалось, что он со мной общается просто потому, что ему это нравится, а не потому, что хочет со мной переспать. Он был какой-то совершенно асексуальный. Мы превратились в брата и сестру, и когда у меня дома случилась жопа, я жила у него, его мама стала мне второй мамой, она многого не знала, но все понимала и никогда не задавала вопросов, почему мне пришлось сбежать, мне были рады в их семье, и за это я всегда буду благодарна. Они спасли меня, когда я больше всего в этом нуждалась, и я... Прости. Прости. Надо взять себя в руки.

* * *

Я снова подал знак бармену, и вскоре перед нами стояли еще два пива. Казалось, Самуэль этого даже не заметил. Его поглотило описание изоподов-паразитов. Он рассказывал, как им живется в разной воде, а когда к ним приближается какая-то особая рыба, они проникают рыбе в рот и съедают ее язык.

– О'кей, – сказал я и посмотрел через плечо, чтобы удостовериться, что никто не слышит наш разговор. – Круто, да?

– Даже не знаю.

– Они съедают язык рыбы целиком.

– Ага.

– А потом – знаешь, что еще круче?

– Круче, чем съесть язык рыбы?

– Угу. Когда язык съеден, паразит разворачивается, и его тело занимает место языка. Рыба начинает использовать паразита как язык, чтобы пережевывать еду и все такое. Неслабо, да?

– Я даже не знал, что у рыб есть язык, – сказал я.

⁶ Водный фестиваль – ежегодный фестиваль, проходивший в Стокгольме в начале августа с 1991 г. по 1999 г.

– Я тоже.

Мы сделали несколько глотков пива, бокалы запотели, алкаши механически нажимали на кнопки, и от этого символы на экранах игровых автоматов крутились без остановки. Байкеры смотрели соревнования по дартсу по телевизору и, кажется, возмущались.

– Ты часто здесь бываешь? – спросил Самуэль.

– Довольно-таки. Живу здесь на районе.

– Большая квартира?

– Двушка.

– Снимаешь или твоя?

– Снимаю.

– Вау. Круто.

– Спасибо.

* * *

Пантера сморкается и говорит, что после школы начала ходить на подготовительные курсы в школу искусств, а Самуэль поступил на политологию в университет. Несколько лет мы общались не так часто. Я зависала с художниками, а Самуэля окружали люди, которые хотели изучать международные отношения, попасть в МИД, работать в ООН и спасти мир, как и он сам в последних классах школы. Я думала, он будет в этой среде как рыба в воде. А он замкнулся в себе. Сдавал экзамены, ходил на обязательные семинары, но в свободное время только и говорил, что о скоротечности жизни, что нужно все время гнаться за новыми впечатлениями, чтобы не помереть несчастным. Он был похож на меня в пятнадцать лет. Однажды вечером он позвонил и позвал съездить с ним за город, посмотреть матч по флорболу.

– Флорбол? – переспросила я.

– Да! Это последний матч турнира, который называется «Капри-Сонне».

– Ты знаешь кого-то из игроков?

– Нет.

– А зачем тогда...

– Да ладно, будет весело. Мы запомним этот день!

Я отказалась. Точно так же, как когда он предлагал сходить в Музей полиции, поучаствовать в исследовании бессонницы в Каролинской больнице, поехать на ипподром смотреть скачки или заняться подледной рыбалкой.

– Я вегетарианка, – напомнила я.

– И что с того? Мы же можем отпустить рыбу обратно. Давай же! Будет здорово. Пора начать жить!

И сейчас, когда прошло столько времени, это может выглядеть спонтанным и забавным. Но все было наоборот. Было в этих идеях что-то судорожное. Самуэль только и делал, что искал новых впечатлений, но он был совершенно не способен наслаждаться чем-либо. Чем больше он говорил о том, что надо пополнять Банк впечатлений, тем более пустым внутри он казался. Помню, я жалела его. Думала, что ему одиноко. Особенно когда он прислал сообщение по дороге домой с того турнира по флорболу и написал, что два матча из трех были «охрительно-интересными». В каком-то отчаянии и страхе. Не знаю, чего он боялся. Прости, на меня снова накатило, я не специально. Можешь принести салфетки?

* * *

Потом мы сидели молча. Но эта тишина не была тяжелой, такой, когда хочется опрокинуть барную стойку и кинуться к выходу. Мы просто сидели, я думал о рыбных парази-

тах, Самуэль отвечал на сообщение от Пантеры – девушки, которая была с ним на вечеринке в Лильехольмене.

– Вы давно дружите? – спросил я.

Вопрос прозвучал совершенно естественно. Мне не надо было думать, чтобы сформулировать его. Просто стало интересно, и я спросил, а Самуэль ответил, что они знакомы класса с восьмого-девятого. Они играли в одной баскетбольной команде, но потом ее выперла из дома собственная семья, потому что она не хотела жить, как они, и тогда она где-то полгода жила у Самуэля.

– Где прошло твое детство?

И снова: вопрос просто вырвался. Не знаю, как или откуда, но я сидел там за барной стойкой и задавал вопросы, как какой-нибудь заправский журналист из ящика. Самуэль рассказывал о своем детстве, о том, что они с Пантерой жили по соседству, в спальном районе недалеко от центра.

– Хорошее было место. Совершенно разные люди. Бездельники и шведы, алкаши и пенсионеры. Нам там нравилось. А ты где вырос?

Я немного рассказал о своей жизни, переездах по Швеции, детстве в Хальмстаде⁷, подростковом возрасте в Гётеборге.

– Теперь я понял, – сказал Самуэль.

– Что понял?

– Твой диалект. Никак не мог определить, откуда он.

Он ничего не спросил о моем брате. Не пытался узнать меня, выжимая из меня давние истории. Но именно этим мы и занимались – узнавали друг друга. Мы давали друг другу время. И пусть мы не трещали, не замолкая, но уже в первый вечер в «Спайси Хаузе» почувствовали, что близки. Вычеркни это. Просто напиши, что нам не надо было трепаться без умолку, чтобы понять, что мы станем лучшими друзьями.

* * *

Пантера собирается с духом, кивает и говорит, что Самуэль постоянно беспокоился за собственную память. Он заводил блокноты и делал короткие записи, чтобы запоминать все впечатления. Переживал, что никогда не помнит лиц. Иногда я задумывалась, а может, его память ухудшалась именно потому, что он так активно старался ее улучшить. Весной две тысячи седьмого года он запустил проект «Фаза памяти». Тебе о нем уже рассказывали? Совершенно безумная идея. План был такой: Самуэль решил разделить календарный год на фазы памяти. В начале января он выбрал себе пару джинсов, кепку и туалетную воду. И носил эти вещи каждый день целый месяц. Наступил февраль, он переоделся в другие брюки, надел берет, достал новую туалетную воду. К тому же он решил задействовать слух и весь февраль слушал только Тупака. Потом пришел март, и Самуэль носил чиносы, душился новым парфюмом, ходил без головного убора и слушал только Боба Марли. В апреле он проделал то же самое снова, новые брюки, новая туалетная вода, новая музыка и плоская кепка на голове. Он надеялся, что эти ассоциации помогут сохранить воспоминания, и жизнь почему-то будет казаться длиннее. Но, как с ним часто случалось, план оказался лучше в теории, чем на практике. К лету проект был закрыт. На мой вопрос почему, он ответил, что не добился нужного эффекта. Вместо того чтобы помнить впечатления, он помнил музыку, брюки и парфюмы. Но о самой жизни, буднях, проходивших мимо, он теперь помнил еще меньше. Он сказал это воскресным вечером, когда мы ждали поезд в метро на станции Мариаторгет. Мы ехали с баскетбола, пальцы болели от ударов по низким, специально для детей, корзинам, кожа на кончиках пальцев стала грубой

⁷ Хальмстад – город на юго-западе Швеции.

и грязно-серой, Самуэль покачал головой и посмотрел в сторону, откуда скоро должен был прийти поезд, рельсы потрескивали, как костер.

– Не понимаю, как вам это удастся, – произнес он.

Я догадалась, что он имеет в виду память, и объяснила, что моя тоже ни к черту:

– Я даже не помню, что делала на прошлой неделе.

Самуэль посмотрел на меня и расплылся в благодарной улыбке:

– Правда?

Может, и не совсем правда, но я сказала это, чтобы ему полегчало, мне было его жаль, ведь он изо всех сил старался понимать и контролировать то, что для других было совершенно естественно.

* * *

После трех заходов мы сделали последний заказ, а потом самый последний заказ и попросили счет. Я заплатил. Казалось, Самуэль этого даже не заметил. Но когда мы стояли на площади и собирались прощаться, он сказал:

– Спасибо за пиво. В следующий раз плачу я.

– Все нормально, – ответил я и протянул руку.

Он взял мою руку, поднес ее к своей груди и подался вперед, чтобы обнять меня. Я не сопротивлялся, не обнял его в ответ, но и не оттолкнул, не стукнулся с ним лбом, не думал о том, что придет в голову тем, кто крутит педали в круглосуточном фитнес-клубе. Можно было не волноваться, ведь, когда мы распрощались и я пошел домой, я заметил, что там пусто.

* * *

Пантера говорит, что, конечно, поделится своими воспоминаниями о последнем дне. Мы с Самуэлем разговаривали где-то без пятнадцати одиннадцать. Это я ему позвонила. Он взял трубку и сказал, что сидит в машине и скоро перезвонит. Я повесила трубку и подумала: сидит в машине? Чьей машине? Куда он едет? И почему такая странная фоновая музыка?

* * *

Во второй вечер ничего особенного не произошло, в третий и четвертый тоже. Мы встречались в разных местах (два раза в «Спайси Хаузе», один раз в Старом городе). Заказывали напитки, пили, трепались. О самых обычных вещах. Тех, которые люди обсуждают, чтобы не выглядеть полными безумцами. Но посреди совершенно рядовых разговоров возникало и что-то необычное. Как когда Самуэль вдруг спросил, пробовал ли я приправлять груши шафраном.

– Офигенно вкусно.

Или когда он рассказывал о байдарочном клубе, где можно брать напрокат лодки, не будучи членом клуба.

– Попробуем как-нибудь?

Или когда спросил, бывал ли я за полярным кругом. – Нет, – ответил я. – А ты?

– Несколько лет назад гонял в Юккасьярви⁸, чтобы заценить северное сияние.

– Один?

– Угу. Но я там был всего одну ночь. Остановился в хостеле и несколько часов пробирался в снегу по пояс в поисках северного сияния. Небо было абсолютно черным. Тогда мне пришлось

⁸ Юккасьярви – населенный пункт на севере Швеции, расположен за полярным кругом.

в голову, что надо что-то сделать, чтобы северное сияние появилось. Я стал лепить снежки и подумал, что если попаду в одно и то же дерево три раза подряд, то увижу его. Оказалось сложнее, чем я думал. Пришлось потратить минут пятнадцать.

– И что, увидел сияние?

– Нет. Небо было таким же черным, как и раньше. Хотя по дороге назад в хостел я заблудился в лесу. Потом посмотрел на небо и увидел свет. Желтоватый круг посреди черноты. Как что-то инопланетное, гораздо круче, чем на фотографиях.

– Мощно.

– Но на следующий день девушка за кассой в хостеле сказала, что, скорее всего, я видел свет от стадиона неподалеку.

* * *

Пантера рассказывает, что Самуэль перезвонил в начале двенадцатого. Я ответила с немецкого телефона, мы договорились созваниваться по Скайпу, логинились и набирали друг друга. Самуэль извинился за то, что раздраженно ответил на мой звонок, думал, это мама хочет поговорить о деньгах.

– Дом? – спросила я.

– Угу. Этот гребаный дом.

– Что происходит?

– Ничего особенного. Сiju в коридоре больницы в Худдинге⁹.

– Все в порядке?

– В полном. Бабушку привез. Она хочет, чтобы ей вернули водительские права. Сейчас она у окулиста. А потом будет проходить тест в автосимуляторе.

– Насколько велики шансы, что она справится?

– По какой шкале?

– От одного до десяти.

– Минус двенадцать.

* * *

Однажды вечером мы разговорились об именах, и Самуэль рассказал, что его имя выбрал отец, потому что начал понимать, как работодатели и владельцы квартир реагируют на иностранные имена. Отец не хотел, чтобы сын тоже с этим столкнулся.

– А как тебя хотели назвать сначала? – спросил я.

Самуэль улыбнулся и стал перечислять имена. Чтобы произнести некоторые из них, надо было два раза откашляться, другие начинались со звука «х», сидящего глубоко в животе, третьи звучали как чихание или рифмовались с двумя оскорблениями. И, сидя там за барной стойкой с бокалом пива и обсуждая имена, я вдруг услышал собственный голос, который говорил, что мой брат ненавидел свое имя.

– Однажды он сказал, что больше всего хотел, чтобы его называли Патриком, и я стал его дразнить, потому что считал, что Патрик звучит ужасно нелепо.

Самуэль кивнул, не задавая вопросов, и в этой тишине я начал рассказывать о брате. В том, что я говорил, не было логики, я просто рассказывал, что мой брат всегда хотел приставку, но пришлось довольствоваться «Геймбоем», что его любимой черепашкой-ниндзя сначала был Леонардо, а потом Рафаэль, что на его пижамных штанах бирюзового цвета была пло-

⁹ Худдинге – пригород к югу от Стокгольма, является частью так называемого «Большого Стокгольма».

хая резинка, и, поскольку он всегда их подтягивал с одной стороны, они всегда сидели криво, что однажды, когда мы ели курицу, он сказал, что было вкусно, но жаль, что милые маленькие цыплята ради этого должны умирать, и вся семья, уставившись в тарелки, отложила вилки, а брат довольно продолжал есть, что его волосы были не такими курчавыми, как мои, и в детстве он дразнил меня за мою прическу, но потом, когда подрос, спросил, как сделать волосы более курчавыми, и я, желая отомстить за то, что он меня дразнил, выдумал, что для этого надо есть бананы, и он ел бананы нон-стоп, а потом мама заметила, как увеличились расходы на фрукты, и рассказала, что я пошутил, что однажды на Новый год город грохотал от хлопучек, и брат проснулся и выбежал из своей комнаты в тех самых пижамных штанах с двумя игрушечными пистолетами в руках, крича, что надо отстреливаться. Я сидел и целый час рассказывал то, что помнил, но никому никогда не говорил. Самуэль слушал, кивал, заказывал еще пива. Он не спрашивал: «Так это твой брат умер?» Или: «Как это произошло?» Просто сидел и смотрел на меня. И поскольку он не задавал вопросов, мне было легче рассказывать дальше.

Я сказал, что ему было двенадцать, когда это произошло. Мы недавно переехали в Стокгольм.

– Мама устроилась менеджером на предприятие, которое производило кухонные вытяжки, брат был с двумя приятелями и старшей сестрой одного из них, они шли играть в боулинг и переходили парковку около торгового центра, было много снега, их сбоку сбила автоцистерна, приятели выжили, сестра одного из них тоже, а мой брат умер.

Самуэль посмотрел на меня. Он не наклонил голову. Не выглядел так, будто жалеет меня.

– Его поймали?

– Водителя? Угу. Были свидетели и все такое. Но потом отпустили. Он сказал, что не заметил, что сбил их. Думал, что наехал на тележку.

Я подумал, что сейчас последует вопрос, сейчас он спросит, что я чувствовал и что происходило в семье, имел ли развод родителей отношение к смерти брата, поэтому ли мама решила уволиться и вернуться на родину. Но нет. Вместо этого он сказал:

– Тебе повезло, что у тебя такая отличная память.

– В смысле?

– Он всегда будет с тобой. Он не умер. Он продолжает жить. Благодаря тебе.

Мы сидели молча. Когда приносили счет, мы никогда не делили его пополам. Кто-то оплачивал все целиком. Иногда – он. Довольно часто – я.

* * *

Пантера говорит, что Самуэль упорно называл бабушкину деменцию «растерянностью». Он рассказывал о том, сколько всего семья сделала для того, чтобы ей не пришлось уезжать из дома. Они распечатывали четкие инструкции, как включить и отключить сигнализацию. Приклеивали яркие бумажки на пульт дистанционного управления, чтобы она не забыла, как переключать каналы. Купили стационарный телефон с кнопками размером с куски сахара, потому что она всегда забывала класть на базу беспроводные телефоны, и когда у нее было занято больше двух часов, все начинали нервничать, и кому-то приходилось прыгать в такси и ехать к ней домой только затем, чтобы обнаружить, что она спит перед телевизором. Однажды Самуэль рассказал, что позвонил ей на домашний телефон, и когда она ответила, телевизор орал так, что она сказала «подожди немного». Потом телевизор затих, а бабушка пыталась продолжить разговор с Самуэлем по пульту дистанционного управления. Я смеялась, когда он это рассказывал, Самуэль и сам смеялся, но потом добавил:

– Все это было бы смешно, если бы не было так печально.

Я так и не поняла, почему его так задела бабушкина болезнь. Для меня старение – естественная часть жизни, люди стареют, становятся забывчивыми, вынуждены принимать помощь других. Но Самуэлю как будто было трудно с этим смириться.

* * *

Однажды вечером к нам в бар заглянула Пантера. Вернее так. Сначала вошла Пантера. Потом ее прическа. И под конец ее духи слеш запах сигарет.

– Ух ты, а у вас тут весело, – сказала она, увидев, что мы сидим молча.

На ней были брюки в стиле милитари и куртка с фиолетовым павлиньим узором, в которой она была похожа на промокший помпон (на улице шел дождь – и с ее куртки на пол стекали темные ручейки). В этот раз мы поздоровались. Я подумал: Пантера? Почему Пантера? Если она и не похожа на какое-то животное, то как раз на пантеру. Утопленный турецкий хомяк – возможно. Курдский сурок – вполне. Гигантский сирийский сурикат – вероятно. Нализавшийся персидский павлин – да, но только из-за куртки. Вместо того чтобы спросить, почему ее называют Пантерой, я спросил, что она будет пить, и пошел в бар сделать заказ.

* * *

Пантера говорит, что, сидя в больничном коридоре, Самуэль рассказывал, что забрал из бабушкиного дома кучу памятных вещей. Фотоальбомы и компакт-диски, духи и рождественские открытки, старую дедушкину одежду. И все это для того, чтобы попытаться вдохнуть жизнь в бабушкины воспоминания.

– И как, сработало? – спросила я.

– Не знаю. Бывает по-разному. Иногда у нее очень ясная голова. В машине она подпевала песне и спросила, как дела у Вандада. А через три минуты решила, что я ее похитил. Просто безумие какое-то.

Он произнес это хриплым голосом. Потом откашлялся.

– Когда она меня не узнает, я надеваю старую меховую шапку деда. Тогда она становится сговорчивее. Но нужно держаться на небольшом расстоянии, потому что иногда она лезет целоваться.

Пока мы разговаривали, он встал и стал бродить по коридорам, два раза я слышала, как он спрашивал, где находится автомат с кофе, потом какая-то медсестра сказала, что можно взять кофе «вон там», и Самуэль пошел и налил себе чашку кофе. Когда я спросила, как дела у Вандада, он несколько секунд молчал, а потом ответил.

– У Вандада все хорошо. Наверное.

– В смысле? Что-то случилось?

– Не, ничего такого. У него все хорошо. У меня все хорошо. У всех все хорошо.

– О'кей.

В тот раз Самуэль врал так же плохо, как и всегда. Все, что требовалось для выяснения правды, – это сидеть молча (подносит ладонь к уху, как бы прислушиваясь).

– Ну, мы не общались некоторое время.

Короткая пауза.

– И мы больше не живем в одной квартире.

Пауза.

– Я опять снимаю. Рядом с метро Гульмарсплан.

Длинная пауза.

– Все нормально, правда, я доволен. Подумываю в ближайшее время купить собственное жилье.

Я точно не знаю, что произошло между Самуэлем и Вандадом. А ты знаешь? Это как-то связано с Лайде? Это из-за бабушкиного дома? Придется тебе спросить Лайде, если встретишься с ней, потому что я не имею ни малейшего понятия.

* * *

Как только Пантера вошла в бар, Самуэль как будто преобразился. Я подумал, что рядом с ней Самуэль переставал быть собой, потому что не говорил, а кивал, смотрел на Пантеру как на кумира и задавал встречные вопросы, но толку от них не было, их будто задавала теннисная пушка. Пантера тараторила с бешеной скоростью. Рассказывала о каких-то одноклассниках, которые замутили проект о «расширенном найме на работу», и я так и не понял, считала она это хорошей идеей или нет, потому что сначала она разобрала проект по косточкам, обосрала всех его участников, а потом сказала:

– Но все равно хорошо, что такие вещи делаются, потому что художки – наша в том числе – жутко сегрегированы. Не то что в Берлине.

Потом она сообщила, как удачно затоварилась в специализированном книжном, который вот-вот обанкротится и закроется.

– Вышло реально дешево – прямо берлинские цены.

Затем рассказала о норвежском кураторе выставок, который названивал ей день и ночь и хотел организовать ее выставку в Осло.

– Супер круто, – сказала она. – Хотя до Берлина Осло далеко.

Я чувствовал, что надо что-то сказать, я слишком долго молчал, пришел мой черед.

– Мутно это все, – произнес я.

– Что?

– С чего куратору хотеть делать выставку?

– Может, потому что это его работа?

Мы взглянули друг на друга. На ее лице промелькнула быстрая улыбка. Я что-то не так понял. Но не догонял, что именно. Приготовился к издевкам и сирым смешкам, ждал, что меня обзовут идиотом. Перед глазами уже стояла картина, как Самуэль и Пантера дают друг другу пять, щиплют меня за бок и называют «мистером куратором» весь остаток вечера. Но ничего такого не случилось. Вместо этого Самуэль спросил, какова тема выставки, о которой идет речь, *Time pieces*¹⁰ или *Notre Dame*, а Пантера, казалось, была благодарна за то, что все внимание наконец вернулось к ней. Тем вечером я больше почти ничего не говорил. И Самуэль тоже. Но помню, что я думал об этом после, что Самуэль перед подругой, которую знал больше десяти лет, занял мою сторону. Вместо того чтобы насмеяться и унижать, он все сгладил и поддержал меня. Это был признак того, что наши отношения. Вычеркни это. Признак того, что наша дружба была настоящей.

Потом мы пошли в клуб, и один из нас порвал танцпол (Самуэль), другая купила кокаин (Пантера), а третий сидел в углу и сторожил бокалы (я). По дороге домой, когда мы попрощались с Пантерой и остались в такси вдвоем с Самуэлем, я рассказал такое, чего раньше никому не говорил. О ночных кошмарах, какой была подушка, когда я просыпался, о звуке крика, который будто все еще висел в комнате по утрам, словно с молекулами воздуха что-то происходило и они продолжали вибрировать, когда я открывал глаза. Все это я рассказал в такси несмотря на то, что впереди сидел водитель, и я даже не волновался, что Самуэль засмеется и использует это против меня. Вместо этого он сказал:

– Мне знакомо это чувство.

¹⁰ «Осколки времени» (англ.).

И хотя он больше ничего не объяснил и хотя у него не было мертвого брата, я поверил его словам.

* * *

Пантера говорит, что в конце они немного поболтали о ней. Самуэль задал несколько вопросов, я ответила. Коротко рассказала, что произошло за последнее время, но поскольку случилось много всего, рассказ вышел довольно долгим. Мне важно, чтобы было ясно: наш последний разговор не сводился к обсуждению меня. Нас прервала медсестра. Женский голос на заднем фоне что-то сказал.

– Хорошо, – ответил Самуэль. – Она закончила. Мне надо идти.

Мы попрощались. Наш последний разговор подошел к концу. Он продолжался сорок пять минут. Было почти двенадцать. Я подумала, что время пролетело быстро. Слишком быстро. Прости, вот начинается снова, не знаю, что с этим делать, сколько слез помещается в человеческом теле? Сейчас мне даже не особо грустно, сам видишь, это просто физическая реакция (тянется за салфетками).

* * *

Мы общались уже несколько месяцев, когда Самуэль рассказал, что Пантера переезжает в Берлин.

– И когда же? – спросил я и почувствовал, что обрадовался.

– Через несколько недель. Она просто свалит. Бросит меня здесь.

Несколько секунд мы молчали. Я не очень понимал, почему ему так грустно. Он осушил бокал, знаком дал понять, чтобы принесли следующий, и спросил, хочу ли я продолжить вечер.

– У нее в художке сегодня прощальная вечеринка. Я собирался пойти. Хочешь присоединиться?

Я сомневался, мне было комфортнее в «Спайси Хаузе».

– Давай же! Будет круто. Не забывай о Банке впечатлений!

– О чем?

– Как бы там ни было скучно, мы запомним этот вечер. А значит, оно того стоит, правда?

Через час мы стояли перед старым домом, похожим на лодочную фабрику. Охранники сверяли имена со списком, Самуэль сказал, что с ним «плюс один». Но охранники были необычные. Они здоровались с улыбкой, и вместо черных бронежилетов и наушников они были одеты во фланелевые ползунки, ну, как у детей, только взрослого размера, и у одного из них в переднем кармане лежал гигантский леденец.

– Это что за хрень была? – прошептал я Самуэлю по дороге внутрь.

– Забей, это наверняка часть перформанса.

Но уверен он не был, да и я тоже, потому что искусством на этой вечеринке могло быть что угодно. Мы переходили из одного зала в другой, и Самуэль кивал парням, выглядевшим как девушки, и девушкам, похожим на маленьких мальчиков. Все были одеты или во что-то очень яркое или в черное. Некоторые косо смотрели на меня, они заметили, что я сюда не вписываюсь: кожа недостаточно светлая, мускулы слишком накачанные, кожаная куртка слишком черная, и от меня пахнет туалетной водой, а не потом и табаком для самокруток.

* * *

Прежде чем ответить, Пантера долго думает. Жалею ли я о чем-то? Конечно. Все жалеют. Если кто-то говорит, что ни о чем на жалеет, он врет. Все носят внутри чувства потери, горя и стыда. Это совершенно естественно. И я понимаю, что его семья пытается убедить себя, что произошел несчастный случай. Ведь именно они в последнее время гонялись за ним как ищейки со своими разговорами об условиях страхования, деньгах на ремонт, требованиях к выдаче кредита и разделе наследства. В конце концов у него не осталось сил. Он сделал выбор. Был готов. Принял решение. А нам придется жить с этим дальше.

* * *

В помещении Пантеры было полно народа, на стенах висели экспонаты – зеркала, покрытые текстами и заголовками. На самой Пантере простыней висел американский флаг, завязанный узлом на одном плече, она обняла Самуэля и меня, сказала, что ждала нас весь вечер, а потом ушла здороваться с другими.

– Что скажешь? – спросил Самуэль, стоя перед одним из экспонатов. В руках мы держали пластиковые стаканчики с дешевым красным вином.

– Не знаю, – ответил я.

Потому что я и правда не знал. Мы переходили из одного зала в другой, осматривали предметы искусства, которые иногда оказывались искусством, а иногда просто пепельницей, забытой после вечеринки. Девушки вокруг выглядели богато, или мне всего лишь так казалось, ведь только богатые девушки могут приходить на вечеринку почти без косметики, с небритыми подмышками и грязными холщовыми сумками, не стыдясь этого. Единственная комната, в которой мы задержались подольше, находилась в самом дальнем конце помещения. Кто-то превратил раскаленную печь в предмет искусства.

– А вот это мне нравится, – сказал я.

– Мне тоже, – ответил Самуэль.

Мы постояли в этой комнате, от печи шло тепло, огонь потрескивал. Вдруг Самуэль вытянул руку и положил ее на печь. И держал, пока я не смахнул ее.

– Ты что, блин, делаешь? – спросил я.

– Просто хотел проверить, насколько она горячая.

Я посмотрел на него и подумал, в своем ли он уме. Потом посмотрел на огонь и подумал, что если хорошее искусство хорошо настолько, то я точно смогу научиться его любить.

* * *

Пантера вздыхает и разводит руками. Откуда же мне знать, что бы я сделала иначе. Думаю, человека нельзя спасти, если он этого не хочет. Есть что-то эгоцентричное в самой идее, что забота о всех, кто тебя окружает, лежит на тебе. Люди живут своей жизнью, а когда больше не хотят, с этим ничего не поделаешь. Я уверена, что это все равно произошло бы, даже если бы я не переехала в Берлин. Если бы чаще ему звонила. А ты как – чувствуешь свою вину? Хотел бы что-то изменить?

* * *

Нас прервали два студента художки. Самуэль кивнул им и спросил, кто автор этого крутого экспоната. Студенты засмеялись:

– Эта печь – часть стекольной мастерской.

Я сглотнул и приготовился. Но атаки не случилось. Ни ухмылок. Ни чувства, что стоишь там голый. Самуэль не свалил все на меня, не сказал, что это мне пришла в голову такая идиотская мысль. Он просто подул на руку, рассмеялся и спросил, будет ли потом афтерпати. Когда студенты ушли, мы с Самуэлем остались стоять, огонь потрескивал, вокруг слабо пахло то ли горелыми волосами, то ли серой.

– Все равно лучше этого тут ничего нет, – сказал Самуэль, и я кивнул.

Он поддержал меня. Не дал мне упасть. Я подумал, что всегда сделаю то же самое для него.

* * *

Пантера смотрит на меня с удивлением и, может, немного с отвращением. Ты что, шутишь? В каком смысле – «облегчение»? Я была совершенно убита горем. Со смертью Самуэля умерла часть меня. Нет ничего, ни единого атома в моем теле, который испытал бы «облегчение», когда я слышала, что произошло. Без обид, но если человек так думает, он, должно быть, не в себе.

* * *

После вечеринки в художке мы поехали в центр. В «Ист» была очередь, но в дверях стоял Иббе из тренажерки, я изобразил Хамзу, подняв два пальца, и Иббе нас пропустил.

– Вау, – сказал Самуэль, когда мы нашли столик в углу. – Я что, только что увидел, как двое цветных попали в «Ист» в полвторого ночи в субботу после зарплаты?

– Позвоним в Книгу рекордов Гиннесса?

Мы чокнулись, выпили, заказали еще, пошли на танцпол.

– Зачетная задница.

– Зацени эту фигурку.

– Глянь, какая попка у этой кошечки.

– Вот это да!

– Отличная задница!

Мы говорили все это скорее себе самим, а не девушкам. Когда заиграла песня, которая нравилась Самуэлю, он двинулся на танцпол. Он танцевал так, что на него показывали пальцем и качали головами. Изображал руками восход солнца и орал припев. Опускался на корточки и шепотом делился секретами с осколками бокалов на полу. Трясся как маракас. Когда он вернулся, чтобы сделать глоток, я почувствовал запах его работающего на полную дезодоранта.

* * *

Пантера качает головой. Не знаю. У меня нет хорошего ответа. Может, забыл отстегнуть? Вполне возможно. Или ехал настолько быстро, что понимал: скорости хватит, и никакой ремень безопасности в мире его не спасет.

* * *

Мы выпили больше обычного. Раковина в туалете раскачивалась, словно гребная лодка. Я как мог пытался сосредоточиться, чтобы поймать дверную ручку. Когда я вернулся, то обнаружил, что Самуэль развалился в углу с широко расставленными, как ножки мольберта, ногами. Музыка затихла, и охранники выгоняли людей, вытянув руки, как лопасти.

– По домам? – спросил я.

– Скоро, – ответил Самуэль.

В «Макдоналдсе» царил хаос. Два бухих парня-мажора валялись на полу и показывали пальцем на плевки на потолке, словно это были кометы. Девочка-подросток заблевала окно. Бомж в плаще и с пластиковыми пакетами на ногах сидел за столом и читал газету и выглядел самым нормальным в этом месте. Перед нами в очереди стояла тетка в сером пальто. Она покачивалась, долго делала заказ, ее карточка сработала не сразу. Самуэль посмотрел на свое запястье (хотя у него не было часов) и сказал:

– И как, машина ездит хорошо?

Тогда тетка обернулась и недовольно посмотрела на него. Она оказалась совсем не теткой, а девушкой примерно нашего возраста или чуть старше. В странном пальто в форме колокола, волосы с проседью. Она что-то пробормотала и пошла к выходу. Я заметил, что у нее на пальто приколата золотая брошь в виде совы. Этой девушкой была Лайде. И пока я делал наш с Самуэлем заказ, мы можем констатировать, что это был первый раз, когда Лайде и Самуэль увидели друг друга. Из колонок не заиграли скрипки. Ангелы не запели с небес. Мимо не проехала случайная машина с открытыми окнами, откуда на максимальной громкости играла песня Ди Энджело «Леди». Ночное небо не наполнилось фейерверками. Самуэль и Лайде оказались в одном и том же «Макдоналдсе». Он увидел ее. Она – его. Была поздняя ночь или раннее утро, и жизнь просто пошла дальше. Как будто ничего не произошло. Это была их первая встреча. Даже если кажется, что только я ее и помню.

* * *

Пантера рассказывает, что после того разговора Самуэль прислал сообщение. Написал, что на шведских дорогах теперь безопасно, потому что бабушка провалила тест, а сейчас они пообедают и поедут обратно в пансионат. А потом добавил: *Спасибо, что позвонила. Мне было очень важно тебя услышать. Пошли все остальные нах.* Не знаю, кто такие «все остальные». У меня был суматошный день, сначала рабочий обед, потом посещение ателье, и, если совсем честно, я напрочь забыла о его сообщениях. И не ответила. Не знала, что написать, поэтому не написала ничего, а потом было уже слишком поздно.

* * *

Мы стояли на улице Кунгсгатан. Свободные такси проносились мимо, одно, два, четыре, шесть, десять. А мы только смеялись.

– Привет, Книга рекордов Гиннеса, – сказал Самуэль. – Это опять мы.

– Не надо никого сюда присылать.

– В Стокгольме все как всегда.

Мы пошли на Свеавэген, чтобы попробовать поймать такси там. Под мостом лежали двое попрошаек. Самуэль остановился и прочитал таблички, лежащие рядом с ними. Потом положил две монеты по десять крон в кружку одного из них и купюру в пятьдесят крон в кружку

другого. Просто взял и положил, без всякой гордости, не оглядываясь, видел ли его кто-нибудь. Я посмотрел на него и подумал, что он все же очень странный чел. Не потому, что подал нищему, а потому, что сделал это там и тогда, глубокой ночью, когда этого никто не видел. Кроме меня.

* * *

Пантера задумалась и сидит молча. Просто чтобы ты знал: сейчас, когда я рассказываю об этом, текст его последнего сообщения звучит более драматично. Ясное дело, мне надо было ответить. Я могла написать что-то вроде: *Спокойно, брат, я здесь, ты не один, то, что ты чувствуешь, чувствовали все, и ты выберешься, не волнуйся, не сдавайся, держись*. Но я этого не сделала (делает паузу, смотрит в окно). О'кей, блин, хватит, может, хватит уже так обвиняюще на меня смотреть (встает, идет в ванную). Да что с тобой такое, что вообще тебе надо, я не успела (хлопает дверью в ванную).

* * *

Двадцать минут спустя. Такси все еще нет. Вернее, куча такси с включенной табличкой «свободно» проносилась мимо и забирала других пассажиров дальше по улице. В конце концов мы решили, что поймать такси попробует один из нас. Я отошел к витрине магазина, прижав телефон к уху, а Самуэль стоял один на краю тротуара. Остановилась машина, Самуэль открыл дверь и сказал, куда нам ехать, а когда таксист согласился, я сделал вид, что закончил разговор и запрыгнул на заднее сиденье. Водитель увидел меня, сглотнул и подвинул переднее сиденье вперед, чтобы у меня было достаточно места для ног. Мы ехали в тишине. У Самуэля было мало наличных, но я сказал, что это не проблема.

– Я заплачу.

– Спасибо, я заплачу в следующий раз, – сказал он как всегда и коснулся рукой бумажника слеш сердца.

Я помотал головой, чтобы показать, что это не важно и я никогда не позволю, чтобы между нами встали деньги. Мы высадили Самуэля у станции Хурнстуль и поехали дальше. Когда мы свернули с Хэгерстенсвэген, я наклонился вперед и показал таксисту наличные.

– Все в порядке, – сказал я. – У меня есть деньги. Я вас не ограблю.

Таксист улыбнулся нервной улыбкой, он пытался не так сильно цепляться за руль, но я заметил, какое облегчение он испытал, когда я вытащил свое тело с заднего сиденья и машина обрела привычный центр тяжести.

* * *

Пантера успокаивается и возвращается. Говорит, что позднее в тот же день, часа в четыре или пять, ей кто-то позвонил с мобильного Самуэля. И сказал, что произошла авария, что, похоже, все не так серьезно, он когда-то работал в Камбодже и видал вещи и похуже. Но я все равно позвонила Вандаду, рассказала, что случилось, и подумала, что, если все плохо, кто-нибудь со мной свяжется. Никто так и не позвонил, и я решила, что все в порядке. Вечером пошла в бар, выпила несколько коктейлей в «Мёбель-Олфе», а потом отправилась на вечеринку недалеко от станции Гёрлицер-Банхоф.

* * *

О'кей. Я понимаю, что у нас нет «всего времени в мире». И, конечно, я могу «промотать вперед до следующей встречи Лайде и Самуэля». Если только ты согласишься, что все, что я до сих пор рассказал, играет важную роль в том, что случится дальше. Остаток года пролетел быстро. Пантера переезжает в Берлин, чтобы заняться карьерой в области искусства. Мы с Самуэлем из знакомых превращаемся в друзей, а потом решаем съехаться и жить в одной квартире. Днем он работает в Миграционной службе, а я загружаю коробки в фургон. По выходным мы делаем все то, что, по мнению Самуэля, мы должны сделать, чтобы жизнь не прошла мимо. И я всегда иду с ним, никогда не отказываюсь. Даже если случается, что, выслушав его идеи, я качаю головой и спрашиваю зачем. Зачем нам ехать на автобусе в аэропорт «Арланда», а потом обратно, чтобы посмотреть, как садятся самолеты, и поужинать в ресторане со шведским столом, который кузен Самуэля назвал «секретным местом всех пилотов»? Зачем ехать на стрельбище, чтобы испытать, какая отдача у «Глока»? Зачем покупать в интернете поддержанную приставку «Сега Мегадрайв», чтобы удостовериться, что игра «NBA Jam» все еще так же крута, как когда мы были детьми? Не знаю. И Самуэль не знает. Но мы все равно это делаем, все делим пополам, и если у одного из нас нет денег, платит другой, и когда Самуэль узнает, что договор на съем его квартиры скоро расторгнут, кажется само собой разумеющимся, что он будет жить у меня. Я помогаю с переездом, приношу с работы бесплатные коробки, одалживаю маленький фургон. Он занимает гостиную, я остаюсь в спальне. Однажды Самуэль говорит, что в его жизни никогда не было такой «замечательно безусловной» дружбы, и я не вполне уверен, что понимаю, но киваю и соглашаюсь. Иногда, заходя утром в ванную и видя его зубную щетку рядом со своей, я думаю о том, что мы сильно сблизились за очень короткое время. Что эта близость. Вычеркни это. Вычеркни все это. Напиши просто, что остаток года похож на слайд-шоу со стробоскопическим эффектом, с грохочущими басами, чокающимися бокалами, людьми, которых мы не знаем, но узнаём и киваем им, липкими танцполами, резиновыми номерками из гардеробов в заднем кармане, насыщенным парами запахом дымогенератора, хабариками в переполненных туалетах, смятыми пачками сигарет в пустых бокалах, разговорами рядом с колонками, где единственный способ, чтобы тебя услышали, это держать слушателя за ухо. Потом домой на такси, в ушах звенит, а на следующий день просыпаешься с кучей штампиков на запястьях, в карманах полно мятых купюр и забытых купонов на бесплатное пиво, потных жвачек и случайно стыренных зажигалок, коричневых хлопьев табака и чеков из заведений, в которых ты даже не помнишь, что был. Хотя потом вспоминаешь и улыбаешься этим воспоминаниям. Короче: это было счастливое время. Может, самое счастливое в моей жизни.

* * *

Пантера вздыхает и качает головой. Больно об этом думать. На следующий день была пятница. Я пошла на рынок в Кройцберге и как раз покупала два артишока, положила их в тонкий голубой пакет, достала портмоне, зазвонил мобильник, я ответила, Вандад все рассказал, он просто произнес это и положил трубку. Знаю, что я осела на землю, помню, что продавец овощей сначала подумал, что я пытаюсь украсть артишоки, потом все понял, выбежал, встал рядом со мной, чтобы меня не затоптали, было тесно, покрытая брусчаткой улица была завалена кусками овощей, откуда-то текла черная вода, послышался звук, это был не плач, а животное, скулящее доисторическое животное, я сидела на корточках, не знаю как долго, продавец все стоял и ждал, что я встану, он взял у коллеги бутылку воды, протянул ее мне, я взяла ее, но пить не могла, мимо проходили ботинки и небритые ноги, два немца с гитарами громко

обсуждали ананасные томаты, которые, видимо, совсем как обычные помидоры, но в форме ананаса, вкус как у обычных помидоров, но форма совсем другая, и один из них сказал «и зачем тогда они нужны», а второй что-то ответил, но я не слышала что, потому что они уже прошли мимо, через какое-то время я смогла подняться, продавец хотел отдать мне артишоки даром, но я заплатила, не хотела ничего брать бесплатно, взяла пакет и пошла домой, я купила артишоки, светило солнце, два немецких парня обсуждали ананасные томаты, рядом с мебельным магазином из фургона выгружали светильники и комоды, на летней веранде кафе в пластиковых стаканах блестело пиво, был хороший день, у всех все было хорошо, мелькали велосипеды, сигналили такси, мяукали коты, город пульсировал, а Самуэль был мертв.

Часть 2 Лайде

Гостиная

Вы приехали прямо из аэропорта? Сложно было сориентироваться? Вы ведь жили в Париже? Наверное, этот район тогда выглядел иначе. Сейчас здесь спокойнее некуда. Ну, почти. Повезло, что вы прилетели сегодня, а не во вторник – тогда бастовали железнодорожники и авиадиспетчеры. Я подумала, мы можем сидеть здесь, если со звуком не будет проблем? Хотите чай или кофе? Молоко? Холодное или горячее? Взбитое или нет? Расскажите поподробнее, что вы хотите знать, а я пока все приготовлю.

* * *

Потом наступила осень, и Лайде и Самуэль познакомились по-настоящему. И именно этот момент некоторые (например, ты) назвали бы началом истории. А некоторые (например, я) назвали бы началом конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.